

ПРАВДА ЖИЗНИ

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в городе Клайпеда Литовской ССР. Окончил Калининградский университет, преподаёт историю и географию в сельской школе. Прозаик, член Союза писателей России и Конгресса литераторов Украины. Автор четырёх книг прозы. Публиковался в журналах «Нева», «Наш современник», «Молодая Гвардия», «Москва», «Север», «Подъём», «Сибирь», «Дон», «Простор», «Гостинный Дворь», «Бийский вестник», «Дальний Восток». Лауреат первой премии конкурса «Защитим правду о Победе» газеты «Литературная Россия», литературной премии им. А.Куприна, Международного конкурса «Согласование времён» (ФРГ), национального конкурса «Золотое перо Руси – 2011». Живёт в посёлке Тишино Калининградской области.

1

Как обычно, после работы, когда овцы в загонах были накормлены и напоены, Фаяз зашёл в жилую пристройку к овчарне.

Жалейка лежал на диване перед телевизором и досматривал «Вести».

— Ну и жара сегодня на улице, даже у нас такое нечисто, — обратился Фаяз к своему бригадиру, усаживаясь в продавленное кресло под потёртым пледом.

— Это да, просто кошмар какой-то, мухи — и те не летают. Мозги плавятся от солнца. Самое время людям с ума сходить, — оторвал голову от подушки Жалейка.

— Что там говорят, Игорь? Скажи и мне, тоже знать буду. А то толком послушать, посмотреть совсем некогда.

— Какие тут новости? Новости сейчас в Сирии, — свесил ноги с дивана Жалейка.

— Всё воюют там?
— Воюют. Дикие люди.
— А что дикие, Игорь, расскажи? — Фаяз по-хозяйски налил себе чаю.

— Сам посуди, Фёдорыч. Вот объявили, что город какой-то от ваххабитов освободили. Так в нём несколько сотен рабов нашли. Баб да девок в основном, что в гаремах держали, но и мужиков хватало — пахали на них за баланду. Как это в наши дни возможно, чтобы рабы были, а? Рабство уже тысячу лет как отменили, законом запретили давно, а у них всё не как у людей. Вот и выходит, что дикие они, словно в первобытном строе остались. У нас за такое сразу башку открутили б. Русские — народ вольный, к рабству не приученный.

— Да, Игорь, твоя правда. Русский брат — крепкий человек, гордый. Владимир Ленин ещё говорил: «Мы не рабы, рабы не мы». Знаю, в школе учил. В Сирии Ленина не было, кто им скажет.

2

Жалейка пришёл наниматься на работу к Фаязу по объявлению, которое обнаружил на одной из автобусных остановок в областном центре. На тетрадном листке, прилепленном скотчем к столбу, было написано: «Возьмём на работу в сельское предприятие молодого крепкого мужчину без вредных привычек, можно без опыта. Зарплата достойная. Жильём и питанием

обеспечим». А Жалейке как раз именно жильё и питание — самое главное. После армии он обратно в родительский дом не пошёл, хватило тех лет, пока в школе учился. Пьяной жизни папаши натерпелся под завязку: скандалы да мордобой у парня в печёнках сидели. Сам к спиртному не притрагивался, запаха — и того не выносил. А уж чтобы дальше жить среди алкогольного угара, тут и разговора не было. Несколько лет Жалейка помыкался по съёмным квартирам и углам да с перекусами от случая к случаю. Работал то охранником, то сторожем, то на стройке, а то и просто на подхвате. Получал не ахти, а деньги расходовать на жильё, еду, одежду и прочие радости приходилось немалые. В итоге к тридцати годам Жалейка ни собственным углом, ни накоплениями, ни семьёй так и не обзавёлся. И перспектив никаких. Да и откуда им взяться, перспективам этим, если Жалейка в школе не усердствовал, а так, штаны протирал. Девять классов с грехом пополам закончил да в хабзайку подался. Он и помыслить тогда не мог, что это образование может полезным оказаться. Всё ему по юности мечталось о хлебной и романтической бандитской жизни. Папашины дружки-алкоголики часто рассказывали о воровском счастье, крутых тачках, податливых красавицах и вкусной еде. Жалейка их слушал, раскрыв рот, но голова всё же соображала. Как-то не вязались эти байки с тем, что из себя представляли

горе-рассказчики. Потом о службе в полиции задумался и даже сразу после армии на несколько месяцев туда пристроился, но ушёл. А всё из-за этой чёртовой жалости, что в нём с детства поселилась. Не мог Жалейка руки на более слабого поднять. На равного мог — до остервенения бился, а вот на слабого... Опускались руки, и всё тут. А как с таким никчёмным качеством в бандиты или менты? Там сила в почёте и беспредел. Потому и кличку такую за собой таскал, что каждый раз, когда жёсткости от него ждали, произносил: «Жалко».

А ещё у Жалейки качество в характере было — справедливому хозяину честно служить. Фаяз эту его черту сразу ухватил и к Жалейке по-особому относился, со снисходительным уважением. Позволял ему то, что другим работникам было заказано. Жалейка, к примеру, и лежать мог при Фаязе, и чай пить с ним запросто. Фаяз, как только Жалейку увидел, сразу к нему расположение почувствовал. Здоровый, высокий, под два метра, розовощёкий молодой мужик, веса в котором больше центнера. Хороший работник, крепкий. И взгляд открытый, прямой, без хитринки. Преданный работник. Голос уверенный, без подобострастия, с уважением к хозяину. Верный работник, защищает, если надо. Жесты такие же спокойные, размеренные, не дёрганые, не суетливые. Честный работник, не вор. Уже через десять минут беседы Фаяз знал,

что Жалейку из рук не выпустит, такие работники на улице не валяются. Такой работник на вес золота: доход хороший принесёт и предан будет, как алабай.

— Дам тебе, Игорь, поначалу испытательный срок три месяца — ну, так везде теперь, сам знаешь.

— Знаю, Фаяз Фархутдинович, — запнулся в имени Жалейка.

— Ничего, Игорь, все трудно говорят имя моего отца, — улыбнулся Фаяз. — Называй меня Фёдор Фёдорович, можешь просто Фёдорович, так легче.

— Хорошо.

— Зарплата — девяносто процентов от той, что потом платить стану. Питание три раза, как сам захочешь. Мясо будешь брать со скидкой, молоко, овощ, банан-шманан какой, чай там, хлеб, сахар, макарон, крупу — всё по ценам, как на базе. Заходи в мой магазин, продавцам скажу, они тебе дадут сколько надо, запишут в тетрадь, в поллучку отдашь. Устроит тебя?

— Устроит, — согласно кивнул Жалейка.

— Жить будешь пока у овчарни, там пристройка хорошая, крепкая, в ней вода есть, мебель есть, телевизор есть, холодильник-морозильник есть, газ есть. Честно, запах немного — овцы рядом, но дихлофос-миклофос возьмёшь, побрызгаешь там-здесь, как в розах жить будешь. Через неделю туда селись, пока там ремонт сделаем. Неделю у бабки Насти, соседки моей, проживёшь, я ей скажу. Покажешь

себя, другую комнату дам, в своём доме. Согласен, Игорь?

— Согласен.

— По рукам, — протянул Жалейке свою толстую ладонь Фаяз.

— По рукам, — крепко пожал её Жалейка.

Работа у Жалейки пошла с первого дня. Все работники Фаяза как-то сразу признали Жалейку своим бригадиром и беспрекословно стали выполнять его указания. Новый начальник ни на кого не кричал, руками не размахивал, говорил спокойно, уверенно и смотрел на подчинённого так, что тому и в голову не приходило перечить. Единственный, кто его не признавал, это Сашка Дробок. Жалейку он просто возненавидел после того, как Фаяз к нему с новостью пошёл.

— Ты, Сашка, перейди с Нинкой в овчарню завтра, я ремонт в пристройке начну, — сверкнул новыми зубами Фаяз.

— Мне и без ремонта там хорошо, — заулыбался было Дробок.

— Ты не понял, — сощурил свои и без того узкие глазки Фаяз, — вы с Нинкой переезжаете в овчарню. Тут новый бригадир жить будет. Начальник твой.

— Это, брат, куда переезжаем, в какую овчарню, — вытянулось лицо у Дробка, — там же овцы да бараны одни?

— Ничего, бараны тоже живые твари. В твоей Библии что написано? Возлюби тварей божьих, вот и возлюби, — нахмурился в ответ на Сашкино недоумение

Фаяз. — Перегородку сегодня мужики у входа поставят, живи не горюй.

— Да ты чего, Федька, опупел, что ли, — подступил к Фаязу Дробок, — мы что с Нинкой — скотина тебе, что ли?

— Скотина в загоне живёт, а вы с Нинелей в комнате отдельной жить будете, совсем как падишахи. Люкс-номер заделаем.

— Какие ещё шахи, какой люкс? Ты чего, издеваешься? Пусть там твой бригадир селится. Мы же братья с тобой.

— Э, Сашка, какие братья-шматья? У меня Азиз брат, Акрам брат, а ты кто такой? Не хочешь в комнате под крышей жить — иди в поле, кто держит?

3

С того дня два лютых врага появились у Дробка: предатель Фаяз и его первый прихвостень Жалейка.

— Сожгу я их, Нинка, обоих сожгу, — грозился пьяный пятидесятилетний жилистый мужичок своей супруге, — не прощу Федьке. Обманул меня, урод, братом называл, а теперь со скотиной жить?! Сожгу его и баранов тоже сожгу!

— Чего грозишься зря, ничего ты не сожжёшь, кишка у тебя тонка, — брезгливо морщилась жена. — У тебя только и храбрости, что меня колотить да скотину пинать.

— Заткнись, Нинка, урою, — замахнулся на жену Дробок, — сказано — сожгу, значит, сожгу. И этого его бригадиришку

порешу. Будут Дробка помнить. Федька, гад, дома лишил, земли, на этого бугая променял. Не прощу ему!

4

Сашка Дробок ещё в школе Нинель обхаживать начал, учились-то с разницей в год. Вот Сашка и присмотрел себе подружку-семиклассницу, веселушку с пухлыми щёчками, конопушками на носу да косою ниже пояса. Краса, что и говорить. Да и сам Санёк тоже не из последних был. Хулиган записной и неслух. Да и двоечник, каких поискать. Хотя учителя между собой говорили, что не без способностей парень, да вот ленив больно.

Сашка стал Нинку домой из школы провожать, портфель за ней носить. Бывало, соперников поколачивал, когда и Нинке доставалось, если она уж слишком явно улыбалась кому другому. Нинка его прощала, нравилось ей, что за ним, как за каменной стеной. Никто и не удивился, когда Сашка с Нинкой свадьбу сыграли, как только жених из армии вернулся. Хотя жили вместе ещё со школы. Хорошо ещё, ума хватило до совершеннолетия в подоле не принести. Зато потом...

Отыгрались по полной. Чуть ли не каждый год по ребёнку. За десять лет семерых наплодили. В районе их в пример ставили, как традиции соблюдать. Дробки всё это отмечали, конечно. Много праздников в доме стало:

весело жить начали, с размахом. Тут и дни рождения, и именины, и новый-старый год с Рождеством и сочельником, Пасха, октябрьские, майские, день конституции, первое сентября, день печати и день строителя. Последний праздник чуть ли не главный, а как иначе — Сашка же в стройбате служил. Вот так, гуляя, Дробок и не заметил, как с постоянной работы скатился на подёнщину у односельчан: кому огород перекопать, кому дров нарубить, кому забор выправить. Ну и оплата, соответственно, всё больше самогоном да вином дешёвым. У Нинели и того хуже с работой дела обстояли. Даже не подрабатывала, рассчитывала только на декретные да на детские пособия. Каждую выплату праздновала и детей воспитывала: кому подзатыльника, а кому и пряника. Трудная жизнь у матери-героини.

В один из таких праздников Сашка батьке своему так по макушке врезал, что тот через месяц в могилу сошёл. Перед этим всё на голову жаловался, мол, памяти не стало, и трещит, зараза, постоянно. Умер себе и умер, никто и близко на Сашку не подумал, да и сам он забыл через три дня, что папаше по кумполу настучал, — вино не поделили. Дробок отца схоронил и задумался, как дальше жить. Отец по инвалидности пенсию получал, вёл домашнее хозяйство, держал корову, поросёнка, кур-уток. Худо-бедно Дробки без еды никогда не были. А после смерти старика пенсию давать

прекратили, и за скотиной смотреть некому стало. Сашке с Нинелью недосуг — один калымит, другая у плиты стоит, а деткам и подавно не до животины: они по улице носятся до ночи да шкодят кругом, если глаза за ними нет. Вот Сашка корову и свёл к Фаязу, чтоб забот не было. Тот в деревне на квартире у бабки Насти жил и скотину на мясо у местных скупал, а когда и просто крал, если случай подворачивался. Дробка Фаяз почти не обманул, две трети суммы сразу заплатил, остальное в рассрочку договорились. Такое дело Сашка решил обмыть на радости, сумма-то приличной оказалась. Хоть Фаяз и не пил, но с Дробками посидеть за столом не отказался, будто чувствовал свою от них выгоду, и прав оказался. Дружба быстро завязалась. Прощались, будто с пелёнок вместе.

— Друг ты мне, Федька, теперь навеки. Мой дом — твой дом. Двери всегда тебе открыты, ночью придёшь — пустим, — обнимал пьяный Сашка Фаяза.

— И ты мне друг, Сашка, — радовался знакомству Фаяз, чувствуя начало важных перемен в своей жизни.

Деньги Дробок прогулял быстро и скоро загрустил. Глядя на поникшего друга, Фаяз начал ему помогать: приносить чуть ли не каждый вечер вино тому в дом, деток карамельками одаривать. Когда и ливера подбрасывал с мослаками для супа. Порой за стол подсаживался и начинал Сашке на жизнь свою жаловаться.

— Пойми, Сашка, вот приехали мы к вам, как к братьям, с поклоном. Война нас проклятая с нашей земли выгнала. Не дай бог никому такого горя испытать. Всё потеряли в один час. Дом сгорел, землю бросили, скотину, ели ноги унесли. Сколько баранов у нас было — не сосчитать. Пришли безбожники, всё забрали. Мы голые оттуда бежали. Ничего не успели взять. Только детей, слава Аллаху, удалось спасти. Ночью бежали, куда бежали — не понимали. Ноги сами к вам привели. Вы нам всегда братьями были. Со всей душой к нам, по справедливости.

— Да, мы такие, — приосанившись, соглашался пьяный Дробок, — последнее отдадим, а братьям поможем.

— Я знаю, вы щедрые. Вот плохо мне, Сашка, один я с детьми и женой. К кому идти, у кого помощь искать? — пускал слезу Фаяз.

— Ко мне иди, Федька, — плакал в ответ Дробок, — я тебе помогу, в беде не оставлю.

— Знаю, Сашка, ты настоящий брат. Все отвернулись, ты не отвернулся. Пустил в свой дом, за стол усадил, мясо в тарелку положил. К тебе пришёл со своим горем. Помоги, Сашка.

— Помогу, Федька, — вытирая слёзы, опрокидывал в себя стакан самогона Дробок, — вот тебе крест, помогу.

— Жить мне негде, Сашка, дети мои без тепла, ютятся где придётся. Сироты мы бездомные, родину у нас отняли. Скитаемся, как бомжи, по подвалам

и чужим углом. На тебя вся наша надежда, Сашка.

— Что хошь проси, Федька, всё для тебя сделаю, — продолжал плакать Дробок. — Брат ты мне теперь, роднее нет.

— Пропиши нас, Сашка, у себя. Никаких денег не пожалею.

— Какие деньги, Федька. Для брата ничего не жаль. Всех пропишу, и тебя, и Айшу твою, и детей. Вы теперь и моя семья. Только может метров по закону не хватить на всех. Я-то в этом не понимаю ничего, отказать могут.

— Не проблема, Сашка, всё сам сделаю, у меня старший брат — юрист, все законы знает, научит, как делать. Тебе только бумаги подписать да съездить туда-сюда к начальникам-мочальникам, остальное моя забота. Получится, как надо, — коньяка куплю, сам с тобой выпью, брат ты мне.

5

Фаяз с братьями покинули родную землю в поисках лучшей доли. Плохо там стало, когда русские ушли. Бедно. Работы нет, денег нет. Что делать? Баи назад вернулись, беки. У них всё счастье, деньги, власть, земля. Фаяз не из баев, и Айша не из рода беков. У братьев жёны тоже в роду простые. Значит, совсем плохо станет, ещё беднее жить будут. К баю на поклон идти надо, рабами сделают. Азиз, старший брат, семейный совет собрал. Решили: «Надо ехать

вслед за русскими. У них страна большая, земли много, всем хватит. Сами там баями станем».

В Москву не поехали — шумно, дорого, деньги большие, занято всё, никто никому не верит — там им места нет. Поехали туда, где тихо, где земля за копейки, люди не злые. Поехали и не ошиблись. Поселились все в одном районе, но в местах разных, чтобы родство не на виду было. Азиз, старший брат, дома в милиции служил — уважаемый человек, законы знает, диплом юриста есть. Тут тоже быстро в люди вышел. Не глупого десятка, чужие мысли видит сразу. К нужному человечку всегда ключик подберёт. Кому «бакшиш-макшиш», кому «совет-мовет», кому «подарок-модарок». В партию подался, активистом стал, депутатом. Туда-сюда катается, людям помогает. Понравился начальникам — сельсовет в управление дали.

Младший, Акрам, на центральный рынок пошёл. На родине лавку имел, бизнес крутил, всё понимал: как торговать, как товар находить. Друзья у него везде были — вспомнили Акрама, позвали к себе, с важными людьми познакомили. Акрам всегда весёлый. Язык у него лёгкий, на месте не лежит, «шутками-мутками» сыплет. Нравится Акрам всем. Умеет мосты наводить. С тем плов-шурпу покупал, с этим поговорил — связи быстро дело помогли наладить. Торговля бойкая пошла: и нужные люди с прибылью, и Акраму свой доход. Месяц-другой — и

Акрам своей палаткой обзавёлся, своим товаром и своими продавцами — ходи-командуй. Процент платишь в срок — вообще проблем нет. Акраму всё привычно, всё нравится. Особенно девки. Крепкие, ядрёные, словно степные кобылицы. Акрам, как аргамак, топчется возле них целый день, копытом бьёт, всех их любит. У Акрама глаза всегда масляные, так ему сладко. Только жене, Медине, плохо. Психует из ревности, ругается, плачет. Акрам жену жалеет, балует: колечки-серёжки ей дарит, на юг к морю летом отправляет — «пусть нервы успокоит».

А вот у Фаяза жизнь не так быстро в гору пошла, ему труднее всего оказалось. Когда уезжали, всё заранее обговорили, кто за что в семье ответ держит. Азиз «за закон думает», чтобы семейные дела ущербом не обернулись, Акрам — за торговлю, чтобы прибыль была и жирный плов на столе, Фаязу определили землю добывать и скотину разводить. Самое сложное дело и самое долгое. Но зато и почёт в семье великий. Фаяз крепко старался, и Аллах воздал ему.

6

Фаяз слов на ветер не бросает: сказал — сделал. Там заплатил, тут хороший кусок баранины в подарок завернул, здесь машину помог продать подороже: чиновники тоже люди — понимают, когда к ним с душой. Месяца не прошло, а в Сашкином доме

уже всю носились дети Фаяза. Айша на кухне первой хозяйкой стала. Нинеля только порадовалась такому обороту дел: какую ношу с плеч сбросила, теперь и в постели можно до обеда валяться: никто не орёт, каши не просит. Всё Айша на себя взяла. Двужильная жена у Фаяза оказалась, на удивление Дробков.

— Санечка, — ластилась к мужу Нинка, — какой ты догадливый, что Фаяза прописал. Так теперь вольготно стало, прям надыхаться не могу.

— А ты не знала? — хорохорился Дробок, обнимая пьяненькую жену. — Всегда с головой был. Всегда наперёд считаю все ходы. Фаяз пока дом будет строить, у нас тут тоже дворец заделает. И у Айши откормимся, как сыр в масле кататься станем.

7

Скоро Дробок увидел чертей, бегающих по потолку, и попал в больничку. У Нинки, не отставшей от мужа по части выпивки, стали трястись руки и голова. Детей взяли под особый контроль органы опеки, а после выписки Сашки из дурдома и вовсе лишили Дробков родительских прав. По суду определили детвору на последующее усыновление.

— Продай, Сашка, дом, наймёшь хорошего адвоката, вернёшь детей, — успокаивал пьяного Дробка Фаяз, подливая ему в стакан из початой бутылки.

— А кому я его продам? Кто его тут купит, не город же? Работы

нет, садика нет, школа далеко — никто сюда не поедет, — горестно качал головой папаша.

— Мне продай, я куплю. А сам тут живи, ты же мне брат, я тебя не обижу. Денег сразу много не дам, у самого нет, частями платить буду. Веришь мне?

— Верю, Федька.

Фаяз все документы на дом с помощью Азиза так выправил, что и следов Дробков там не осталось, будто и не жили никогда. Сам Сашка вместе с Нинелью бумаги подписали не глядя.

— Чего там читать, мы тебе, Федька, как себе верим, ты нас никогда не подставлял.

Через пару месяцев деньги у Дробка закончились. Погуляли они с Нинелей крепко, про адвоката и не вспомнили, начисто забыв, для чего дом продавали.

— Сашка, мне Айша жалуется, шумно от тебя с Нинелей твоей стало, дети пугаются. Айша тоже нервничает, ей рожать скоро. Вы дерётесь, пахнет от вас плохо. Надо вам уходить в другое место. Купи себе новый дом.

— Куда уходить? Чего купить? — не понял Дробок.

— Дом себе купи новый и живи там со своей Нинкой. Пей, дерись, что хошь там делай. В моём доме места вам нет, — отрезал Фаяз.

— Ты чего, Федька? Ты же говорил, вместе жить будем. Клялся, что брата не выгонишь. Забыл, что ли?

— Я не гоною. Я заплатил тебе. Деньги есть, купи дом, живи отдельно. Друзьями станем, в гости

друг к другу ходить будем, плов есть будем. Всем хорошо.

— На что я куплю, денег у меня нет.

— А куда дел?

— Прожили все деньги.

— Нехорошо, Сашка, дом не купишь. Ладно, брат мне был, выручу тебя. Переходи жить в гараж пока, там мастерскую тебе отдам. В ней всё есть: свет, тепло, плиту поставим, газ в баллоне, телевизор свой отдам. Всё как дома. Удобства все, лучше, чем у бабки Насти.

Фаяз Дробка не обидел, денег на новоселье подкинул и телевизор свой принёс в подарок. Сашка новоселье отметил и Нинку справно поколотил, оставив на память недельный синяк под глазом.

— Надо же было мне, дураку, такую паскуду себе в жёны выбрать. Всё пропила-промотала. И детей, и дом, и участок, и скотину. Как жить-то с тобой после этого?

Фаяз вскоре тоже отметил своё новоселье. Пригласил земляков, человек двести, в кафе «Лунный свет», которое открыл с братьями у автострады, баранов зарезал, лепёшек напёк, чаю наготовил, танцы-фейерверки устроил. Всё как полагается.

— Молодец, Фаяз, — нахваливали его земляки, — поднялся. Уважаемым человеком стал. Свой дом, земля, бараны, лошади. Настоящий бай!

Фаяз через год больше сотни гектаров земли в аренду оформил, овчарню новую построил и

Сашку с Нинелей в пристройку при овчарне переселил. Вот тебе и сторож, и пастух — двойная выгода. Да и с глаз Айши долой, чтоб не напоминали о том, чего она от них натерпелась.

— Сожгу я его, — шипел вслед Фаязу Дробок, сжимая в кармане кулак.

8

Жалейке Айсель сразу в душу запала. Как увидел её возле дома Фаяза год назад, так и высматривал постоянно, не мог налюбоваться. Айсель — девушка видная: высокая, стройная, две косы ниже пояса и чёрные глаза, будто омут. Жалейка в них и утонул. Говорили — дурочка Айсель, ума короткого. Ну и что с того? Жалейка тоже не академик. Ещё говорили — порченная она, свои в жёны не возьмут. Жалейке и лучше — хоть шанс есть самому женихом стать. Правда, условие одно Фаяз назвал, но ничего, можно и принять его ради Айсель.

— Вижу, Игорь, нравится тебе наша Айсель, — улыбался за чаем Жалейке Фаяз. — Возьми её в жёны, хорошей супругой станет, верной, послушной. Вы оба красивые, красивые дети будут. Айсель много родит. Мы дом вам поставим, землю дадим. Беком будешь. Почёт, уважение. Веру только поменяй. Айсель — сестра моя, нельзя ей в другую веру, строго у нас. А жить в доме с двумя богами — всё равно, что в питомнике для собак, где лай

с утра до вечера. Тебе всё равно, сам говорил, крестик только носишь. В церковь свою не ходишь, попу не веришь, меняй веру. Пойдём к мулле. Он с тобой поговорит, верить начнёшь, Аллаха полюбишь.

— Я подумаю.

— Думай, Игорь, думай, только не передумай, а то так без такой жены-красавицы останешься. Кто другой быстрее надумает. Жалеть потом всю жизнь будешь.

— Ладно, Фаяз, долго думать не буду, быстро решу. Я вот тебе что сказать хочу. Опять Дробка слышал пьяного, опять Нинке своей грозился тебя поджечь. Гнал бы ты его подальше — пустой человек, опасный.

— Э, Игорь, — с раздражением отмахнулся Фаяз, — брешет просто, как шавка, на меня. Куда он пойдёт потом, где жить будет? Сгинет совсем, пропадёт. Дробок знает, что моей добротой живёт, не укусит. Не бери в голову, о другом думай.

И Жалейка думал. Думал об Айсель, о будущем доме, о красивых детках в нём, о счастье своём, что, благодаря Аллаху, его настигло.

9

— Как день прошёл? — подавала вечером на стол мужу Айша.

— Хорошо. Только жарко очень, дышать нечем. А так нормально. Скоро свадьбу Айсель играть будем, — достал из казана добрый кусок мяса Фаяз.

— Ох, Фаяз, какую новость принёс! — расцвела улыбкой Айша. — Согласился Жалейка?

— Согласится, — заработал челюстями Фаяз, — неделя не пройдёт, к мулле пойдём. Я знаю. Видел сегодня его глаза. Он принял решение: Айсель будет его женой.

— Слава Аллаху!

— У тебя как? Ездила сегодня к Медине? Как они там? Помирились с братом?

— Медина злится на Акрама, хоть и помирились. Он ей золотой браслет купил, кольцо с камушком, прощения на коленях просил. Но она знает: долго не выдержит, опять с этими шалавами закрутит. Ну что за человек такой, ни одной юбки не пропустит. Опять, говорят, какая-то Наташа от него приبلудила. Уже сколько байстриючат настрогал, никак не угомонится. Медину понять можно. Плакала опять сегодня, говорила, что род позорит.

— Скажу ему, чтобы серёжки ей добавил и на море отправил, пусть нервы успокоит.

— Сколько можно полукровок разводить?

— Пусть, что с ним сделаешь? Уж лучше половина нашей крови, чем чужая совсем. Вырастут — к нам потянутся. Зов отцов, он сильный, на верный путь направит.

— Фаяз, слышала, Сашка опять грозился нас поджечь. Боюсь я, гони его совсем.

— Если выгоню, Айша, то точно сожжёт, — сыто отпрыгнул Фаяз, — а так просто пугает.

Жить где станет? В тюрьме? Да и смотрит за ним Жалейка, не даст и спички зажечь. Он, счи-тай, свой, знает, кого охранять.

— Говорил с ним?

— Говорил. Насмешил он меня сегодня.

— Расскажи, чем? — вытерла полотенцем руки Айша, присев за стол напротив мужа.

— «Вести» смотрел, когда я пришёл. Говорит, дикость в Сирии: там рабов держат, женщин в наложницы отдают. Живут не по закону, за похлёбку работать принуждают. У нас, говорит, близко такое невозможно.

— Смешной, — улыбнулась мужу Айша, — смешной и глупый. Как Айсель. Как все русские, глупый: друг за дружку не держатся, веру свою не берегут, пьют, как свиньи, чуть что — кулаками машут.

— Правду говоришь, Айша. Давно они рабы. Пусть думают, что свободны. Мы-то с тобой знаем настоящую правду, Айша.

— Знаем. Фаяз, мы с тобой знаем эту правду жизни.

10

Ночью Фаяз метался на кровати. Снился ему кошмар: дети Дробка пытались пробраться в его дом и при этом жалобно мяукали. Они тёрлись возле забора в виде котят и слёзно умоляли: «Дядя Федя, дядя Федя, мы же твои дети. Ты живёшь богато, пусти нас в нашу хату. Дай поесть немножко, дай хотя бы крошку».

11

Жалейка стоял на крыльце своей пристройки и всматривался в звёздное небо. Ему казалось, что где-то там по Млечному пути бегут они с Айсель, крепко взявшись за руки, и счастливо смеются. Рядом летят два ангела-хранителя, а вослед доносятся детские голоса, голоса их будущих детей. И это видение казалось Жалейке всем смыслом жизни.

12

Дробок взял со стола спички, перебросил через плечо сумку с заготовленной пятилитровой канистрой, долгим тоскливым взглядом окинул спящую Нинку и, обречённо вздохнув, нетвёрдым шагом отправился из овчарни в душную ночь восстанавливать справедливость.

13

— Руку пусти, — хрипел от боли Сашка, придавленный к земле коленом невесть откуда взявшегося бригадира.

— Что удумал, Дробок?! И детей тебе не жалко? — тяжело дышал в ухо Сашке Жалейка, не отпуская заломленную руку.

— А он моих пожалел, когда дома лишал?

— Твои живы-здоровы. Накормлены, в тепле, учатся. Да и не он это — ты сам во всём виноват. Пьянство твоё беспорядное.

Давно по наклонной едешь. А теперь и до смертоубийства докатился?! Креста на тебе нет!

— Это на тебе креста нет, проданся за баланду, своих पिнаешь, к басурманам примазываешься.

— Дурак ты, Дробок. Я просто честно работаю. И никому не продаюсь, я их жалею. Плохо им, совсем плохо. Они-то в чём виноваты? Они к нам спастись кинулись. Их дети наш язык учат, русские обычаи впитывают. Жили же когда-то вместе — горе и радости делили.

— Это ты на Айсель губу раскатал, все видят, — продолжал пыхтеть Сашка.

— И опять дурак ты, Дробок, — ослабил хватку Жалейка, почувствовав, как пар злости выходит из поверженного. — Сердцу не прикажешь.

— Может, и сам в басурманы пойдешь?

— Обвенчаемся, и Айсель Александрой станет. Я её так и зову, когда с ней разговариваю, — отпустил Сашку Жалейка. — Если на свадьбу приглашу, придёшь? Вы же теперь вроде как тёзки будете.

— А что, приду, если не шутишь, — опешил от такого оборота дел Дробок. Поднявшись с земли, он оттолкнул ногой канистру и принялся отряхивать грязь с колен.

В тот же миг с востока подул прохладный ветер, и откуда-то издалека донеслись глухие раскаты грома.